Митрополит Видинский Даниил представил свои аргументы против выдвигаемых Константинопольским Патриархатом претензий на первенство власти в православном мире

*Как сообщает **официальный сайт Болгарского Патриархата**, 7 марта 2019 года иерарх этой Церкви митрополит Видинский Даниил направил Святейшему Патриарху Болгарскому Неофиту и членам Священного Синода Болгарской Православной Церкви письмо, в котором он представил свои аргументы против выдвигаемых Константинопольским Патриархатом претензий на первенство власти в православном мире, в особенности против решения об отмене акта 1686 года о передаче Киевской митрополии в юрисдикцию Московского Патриархата и против мнения о якобы имеющемся у Фанара праве принятия апелляций из других Поместных Православных Церквей.*

17 апреля митрополит Даниил разослал свое письмо в переводе на греческий и английский языки Предстоятелям и иерархам ряда Поместных Православных Церквей: Александрийского, Иерусалимского, Румынского Патриархатов, а также Кипрской, Элладской и Албанской Православных Церквей.

12 июня Священный Синод Болгарской Православной Церкви обсудил письмо митрополита Даниила и выступил с заявлением, в котором подчеркивается, что высказанная в письме позиция составляет личное мнение данного иерарха.

В свою очередь, митрополит Видинский Даниил высказал особое мнение, которое было им размещено на сайте Болгарского Патриархата. Иерарх напомнил, что осуждает одностороннее вторжение Константинополя в пределы Московского Патриархата и считает неверными утверждения о якобы имеющейся у Константинопольского Патриарха «сверхграничной ответственности» в разрешении вопросов внутренней жизни Поместных Православных Церквей и о якобы имеющихся у Константинопольского Патриархата исключительных правах на юрисдикцию в православной диаспоре.

*Текст письма митрополита Видинского Даниила, **опубликованного на официальном сайте Болгарского Патриархата**, приводится ниже полностью:*

Его Святейшеству Болгарскому Патриарху Неофиту
Высокопреосвященнейшим митрополитам – членам Святого Синода

Ваше Святейшество, Ваши Высокопреосвященства,

Болгарская Православная Церковь Болгарского Патриархата, как и каждая Поместная Православная автокефальная Церковь стоит перед серьезным вызовом вследствие предоставления Константинопольским Патриархатом 06.01.2019 г. нак называемого Томоса, с помощью которого делается попытка обеспечить канонический статус новоучрежденной церковной структуре на Украине (состоящей из раскольников с весьма проблематичной, с точки зрения канонического права, иерархией), при наличии в этой стране общепризнанной канонической Православной Церкви.

Этот исключительно важный для всей Православной Церкви вопрос рассматривается, в том числе и в церковной среде, во всей его многосторонней связи с различными интересами, но при этом пренебрегается его исследование по существу. Подобный подход создает серьезную опасность следования за политической конъюнктурой при сильно политизированном общественном мнении, чтобы в духе мира сего повлиять на решение Поместных автокефальных Церквей по этому важному для Православной Церкви вопросу и вместо решения по духу и букве священных канонов сделать его заложником политических ожиданий или страхов.

Существует реальная опасность принятия решения подобного тому, при котором священноначалие и народ громогласно утверждали: „ Нет у нас царя, кроме кесаря.“ (Ин. 19: 15), и это приведет Православную Церковь к катастрофическим последствиям. Исходя из вышесказанного, считаю своим долгом как член Святого Синода искренне, как брат с братьями, поделиться с Вашим Святейшеством и с братьями архиереями тем, о чем моя совесть свидетельствует по этому вопросу.

****

11 октября 2018 г. Константинопольский Патриархат принял решение отменить так называемую „Разрешительную грамоту“ (по выражению патриарха Варфоломея в его письме патриарху Болгарскому Неофиту от 24.12.2018 г.), изданную Святейшим Синодом этого Патриархата в 1686 году и предоставляющую Московскому патриарху право рукополагать митрополита Киевского.

Относительно этого решения, по нашему мнению, следует иметь в виду следующее:

Грамота Константинопольского Патриархата от 1686 г., предоставляющая право Московскому патриарху рукополагать Киевского митрополита, не сохранилась в оригинале. Существуют копии на греческом языке и переводы на русский язык, самый древний из которых датируется концом XVII века.

В оригинале на греческом языке сохранилась грамота патриарха Дионисия IV Московским царям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу, которая удостоверяет упомянутое решение Константинопольского Патриархата.

В обоих документах – и в «Разрешительной грамоте» (согласно тексту копий), и в грамоте русским царям – наряду с правом рукополагать Киевского митрополита Московскому патриарху дается в подчинение Киевская митрополия:

(в соответствии со славянским текстом) „...повелева́ем да свята́йшая епа́рхия Кѷ́евская бу́дет подлежа́щая свята́йшему патриа́ршескому прест о́лу велѝкаго и богоспаса́емаго гра́да Москвѝ (...) и познава́ти о́наго стар е́йшаго и предста́теля своег о́ якоже от нег о́ хиротонѝсающуся и не от вселе́нскаго...“

После акта Константинопольского Патриархата от 1686 года древние Патриархаты – Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский, а в новое время и остальные Поместные автокефальные Церкви – всегда воспринимали Киевскую митрополию как нераздельную часть Московского Патриархата и всегда уважали право последнего на полное самоуправление всей его канонической территорией, включая и территорию Украины.

Этот факт в межправославных отношениях засвидетельствован и подтвержден множеством официальных документов.

Сегодня Константинопольский Патриархат заявляет, что Киевская митрополия никогда не принадлежала Московскому Патриархату. Как основание этого указывается условие, содержащееся в грамоте, а именно: во время Литургии поминать имя Константинопольского патриарха на первом месте, „яко су́щу исто́чнику и нача́лу и предстоящу везде́ над все́ми прихо́дами и епа́рхиями“, и после поминать имя Московского патриарха.

Поминание на первом место имени Константинопольского патриарха трактуется в данном случае как единственный признак юрисдикционной принадлежности. Как это утверждение соотносится с каноническим правовым порядком Православной Церкви?

В грамоте недвусмысленно определяется, кто имеет управленческие полномочия над Киевской митрополией, и это Московский Патриархат. В тексте нет условий или требований, в соответствии с которыми какое бы то ни было управленческое решение на территории Киевской митрополии зависело бы от Константинопольского Патриархата.

Нет требований одобрения или утверждения Константинопольским патриархом выбора митрополита, решения епископского собора, внутренних организационных проблем, решений церковных судов и др. Все эти полномочия предоставлены Московскому патриарху.

Для сравнения приведем известное 28 правило IV Вселенского собора, которым Константинопольскому архиепископу предоставляются равные полномочия с архиепископом Рима. Это правило предоставляет право архиепископу Константинополя рукополагать митрополитов трех автокефальных до того момента Церквей: Фракийской, Асийской и Понтийской.

Правило особо указывает на то, что архиепископу Константинополя предоставляется единственное право – рукополагать первых епископов (митрополитов) этих трех Поместных Церквей; не избирать их, а после избрания их епископатом соответствующей Церкви он только одобряет выбор и совершает рукоположение. Правило не позволяет Константинопольскому патриарху рукополагать и назначать епископов этих трех областей – это остается полномочием соответствующего митрополита.

Ясно, что каноническими и правовыми последствиями этого правила является то, что три автокефальные до этого Церкви отданы в подчинение Константинопольскому патриарху, и он имеет юрисдикцию в этих областях и до сегодняшнего дня.

Подобным образом путем предоставления права Московскому патриарху одобрять выбор и рукополагать Киевского митрополита Киевская митрополия отдана в подчинение Московскому Патриархату, как это особо записано в грамоте. В документе нет упоминания об управленческих полномочиях Церкви-Матери (Константинопольского Патриархата) на территории, которую она передает. Таким образом выраженное в грамоте пожелание первым поминать на Литургии имя Константинопольского патриарха, а после него Русского, не связано ни с какими управленческими полномочиями.

Например, иерархия Греческой Архиепископии в США также поминает „в пе́рвых“ Константинопольского патриарха, но в учредительных документах этой Архиепископии и в ее уставе ясно прописаны полномочия патриарха по одобрению кандидатов на епископские рукоположения и выборов архиепископа и митрополитов, изменений в уставе Архиепископии и другие полномочия, которые являются явным признаком юрисдикционной принадлежности Архиепископии к Константинопольскому Патриархату. **В конце концов, критерием автокефальности является право на выбор, рукоположение и суд со стороны поместного собора епископов (митрополитов) соответствующего первого епископа**

(архиепископа или патриарха) в данной автокефальной Церкви, эти действия не должны никоим образом зависеть от решения иерархии другой Церкви.

Акт 1686 г., которым Московскому патриарху вместе с его Синодом предоставляется право рукополагать Киевского митрополита, породило со временем множество других фактических последствий для всей Церкви. Это рукоположения множества клириков различных степеней, которые затем входили в евхаристическое общение с клириками всех остальных Поместных Церквей, в том числе и с клириками Константинопольского Патриархата.

Все эти совместные служения являются доказательством и подтверждением признания всеми Поместными Церквами канонической принадлежности, пребывания Киевской митрополии и остальных епархий на территории Украины под омофором Московского Патриархата.

Если на сегодняшний день будет отменен акт 1686 г., каким будет канонический статус единственного канонического Киевского митрополита – митрополита Онуфрия? И может ли митрополит, избранный в соответствии с канонами и признанный всеми Поместными автокефальными Церквами, вдруг стать неканоническим – без церковного суда, а лишь по воле другой Поместной Церкви?

Все это создает серьезную опасность для будущего всей Православной Церкви.

Итак, грамотой 1686 г. Киевская митрополия отдана под юрисдикцию автокефальной Церкви Московского Патриархата. На всей ее канонической территории, в том числе и в новоприсоединенной митрополии, действуют все церковные правила, относящиеся к незыблемости юрисдикционных границ Поместных Церквей:

«Областные епископы да не простирают своея власти на Церкви за пределами своея области и да не смешивают Церквей, а согласно правилам Александрийский епископ да управляет Церквами токмо египетскими; епископы Восточные да начальствуют токмо на Востоке, с сохранением преимуществ Антиохийской Церкви, правилами никейскими признанных...» (2 правило II Вселенского собора; см. также 8 правило III Вселенского собора).

Профессор канонического права Афинского университета архим. Григорий Папатомас в статье „Различные канонические свойства при осуществлении юрисдикции Вселенского Константинопольского Патриархата“ недвусмысленно отмечает, что территория данной автокефальной Церкви, обособившаяся от канонической территории Константинопольского Патриархата, „уже не юрисдикция последней именно потому, что обособившаяся Церковь

является „автокефальной“.

В этой же статье автор указывает, что „Вселенский Патриархат, конечно, не распоряжается каноническим правом и не может отменить (аннулировать) каноническую автокефалию данной автокефальной Церкви от ее предъюрисдикционной территории, если заинтересованная автокефальная (или патриаршеская) Церковь сама того не пожелает“. И еще: „ни один епископ не может вторгаться в области другой епископии, и тем более ни одна Церковь (патриаршеская или автокефальная) или собор ее епископов не может вторгаться в области другой Церкви и другого поместного собора“.

Кроме того, претензии Константинопольского Патриархата на то, что после издания грамоты и до сегодняшнего дня она сохранила право на юрисдикцию над Киевской митрополией, т.е., что та остается ее канонической территорией, вступает в противоречие с этими правилами, не допускающими наличия двух юрисдикций над одной и той же территорией.

Следует обратить внимание на то, что именно Константинопольский Патриархат прилагал большие усилия при многолетней подготовке Святого и Великого собора (каким, как ожидалось, будет Собор на Крите) по урегулированию положения в так называемой православной „диаспоре“ (территории, находящиеся вне юрисдикционных границ автокефальных Церквей). Наличие более чем одной юрисдикции над одной и той же территорией было определено как „каноническая аномалия“, и это действительно так. Следовательно, как следует понимать в данном случае претензии на то, что после передачи Киевской митрополии под юрисдикцию автокефальной Церкви Московского Патриархата Константинопольский Патриархат сохранил права на юрисдикцию над этой митрополией?

Независимо от этих претензий и на основании священных канонов после передачи Киевской митрополии в подчинение Московского Патриархата на всей его канонической территории в полной мере действуют правила о незыблемости юрисдикционных границ Поместных Церквей (2 правило II Вселенского собора, 8 правило III Вселенского собора).

Еще год назад все Поместные Церкви, как и на протяжении более 330 лет, без сомнения считали, что по юрисдикционной принадлежности Киевская митрополия относится к Московскому Патриархату.

При том, что эти правила имеют общепризнанную силу в Православной Церкви, спрашивается, допустимо ли сегодня кому-либо односторонним образом отменять действие этих правил о территориальной целостности как Русской Православной Церкви – Московского Патриархата, так и любой другой канонической Поместной

автокефальной Церкви?

С другой стороны, в каноническом предании Православной Церкви также существуют ясно определенные сроки осуществления юрисдикции данного епископа над определенными церковными областями или приходами, после истечения которых будет нельзя предъявлять претензии на права над этими областями к другим (133 правило Карфагенского собора установило трехлетний срок давности; 17 правило на IV Вселенского Собора и 25 правило Трулльского Вселенского собора устанавливают 30-летний срок).

Спрашивается, если в светских делах считается благоразумным ради блага общества и правопорядка законодательное установление о том, что фактическое владение собственностью на протяжении достаточно долгого времени дает владельцу полное право собственности, и если в каноническом праве, которое отражает Божественную справедливость в общности Божьего народа такое положение также установлено через правила Вселенского и поместного собора, то на каком основании и по каким соображениям Константинопольским Патриархатом принято решение об отмене документа более чем 330-летней давности и предъявлении претензий на территории, которые ему не принадлежат?

Когда в далеком 1869 г. Русская Православная Церковь отправила письменный ответ Константинопольскому Патриархату по поводу болгарского церковного вопроса, в конце письма рядом с подписями Московского и Санкт-Петербургского митрополитов стояла и подпись Киевского и Галицкого митрополита Арсения (при этом на втором месте!), Константинопольская Церковь не протестовала. Это же повторилось и в 1871 г. в другом письме.

Когда в 1976 г. тогдашний Киевский и Галицкий митрополит Филарет (Денисенко) был руководителем делегации Русской Православной Церкви на предсоборном совещании в Женеве, Константинопольский Патриархат снова не протестовал против этого.

Что означают претензии одной Поместной Церкви на часть канонической территории другой Поместной Церкви по прошествии 330 лет, в течение которых одна Поместная Церковь признавала право на полное самоуправление другой Поместной Церкви? Что означает жалоба о нарушенных правах по прошествии столь долгого времени?

Как рассматривать право на юрисдикцию: как абстрактные властные полномочия на вмешательство в жизнь православных христиан или как заботу о спасении как отдельного человека, так и вверенного нам Божьего народа? Для Константинопольского Патриархата ничего не значат слова св. ап. Павла «ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе Благовествованием»?

Может ли Константинопольский патриарх называться отцом (в смысле вышеприведенных слов) Божьего народа, проживающего на Украине? Какой пастырский труд он там совершил, сколько душ приобрел, за скольких был в „родильных муках“, пока не изобразился в них Христос? Сколько храмов построил, сколько монастырей благоустроил, или гонения в атеистическое время претерпел или, напротив, содействовал в определенные моменты гонениям против святой Русской и Киевской Церкви со стороны большевистской власти?

В данном случае Константинопольский патриарх – не отец, а человек, который пытается путем насилия присвоить власть. И эти амбиции распространяются не только на Киевскую митрополию, которая ему не принадлежит, а на всю Православную Церковь, он заявляет претензии на вмешательство во внутреннюю жизнь Поместных Церквей. Если мы являемся истинными чадами своей Матери – Святой Православной Церкви, мы должны возвысить свой голос и сказать, что происходит, иначе будем виновны вместе с тем, кто пытается силой присвоить права, которые принадлежат только Соборной Церкви.

При том, что Константинопольский патриарх не постеснялся отменить документ более чем 330-летней давности и по прошествии этого времени претендует на права на юрисдикцию над Киевской митрополией, есть ли гарантия, что он не отменит документ, изданный, Константинопольским Патриархатом, например, в 1850, 1879, 1885, 1924, 1937, 1945, 1998 гг. и объявит, что Церкви, соответственно получившие свою автокефалию от Константинопольского Патриархата, являются его исконной канонической территорией?

Не сделали ли Константинопольские патриархи нечто подобное с Тырновским Патриархатом, Охридской архиепископией и Ипекским Патриархатом?

Есть ли гарантия, что завтра Константинопольский патриарх не отправит в какую-нибудь Поместную Церковь своих „экзархов“, если объявит эту Церковь своей юрисдикцией? Или что не захочет заполучить их храмы в „свои“ церковные владения? В этом смысле позиция Поместных Православных автокефальных Церквей по так называемому „украинскому вопросу“, который превратился в общеправославный вопрос, кроме их внутренней церковной позиции, становится позицией, затрагивающей их национальную безопасность и государственный суверенитет страны, в которой находится соответствующая Церковь.

Обобщая все сказанное выше, можно отметить, что отмена грамоты 1686 г. и присвоение права юрисдикции на территорию Украины Константинопольским Патриархатом находится в остром противоречии со священными канонами, так как в соответствии с корпусом правил Святой Православной Церкви не допускается одностороннее

вмешательство Поместной автокефальной Церкви в дела другой. А также и потому, что заявление о нарушенных правах юрисдикции на данных территориях допускается в рамках определенного срока давности, который в данном случае давно истек.

Следовательно, отмена [грамоты] и последовавшие за тем 15 декабря 2018 года созыв так называемого „объединительного собора", предоставление так называемого Томоса с целью легализации раскольнических групп на Украине и предоставление им статуса автокефальной Церкви не могут иметь действительных канонических правовых последствий и не должны приниматься Поместными автокефальными Церквами.

Мы должны отметить, что по существу эти действия Константинопольского Патриархата выходят за рамки локальной церковной проблемы на Украине. Вторжение в чужую каноническую территорию и присвоение права юрисдикции на этой территории затрагивает межправославные отношения и не может быть оправдано никакой конъюнктурной причиной. Практически эти действия представляют собой попытку представить претензии, которые в последнее время прямым текстом заявляет Константинопольский Патриархат, как некие свои привилегии „по сверхграничному исцелению всех церковных вопросов" (см.: Письмо Константинопольского патриарха Варфоломея Болгарскому патриарху Неофиту от 24.12.2018 г.).

Принятие этих действий со стороны Поместных автокефальных Церквей приведет к введению в каноническую практику Православной Церкви опасного прецедента, который не просто затрагивает канонические вопросы относительно способа управления в Православной Церкви, а покушается на экклезиологию, само учение о Церкви. Под угрозой *соборность* Церкви. А это уже вопрос догматический.

Попытки Константинопольского Патриархата присвоить права, которые принадлежат исключительно и только Соборной (Кафолической) Церкви, ясно выражены в так называемом Томосе, который он выпустил 06.01.2019 г.

Обратим внимание на часть замечаний по тексту Томоса, которые сделал преподаватель канонического права Афинского университета с большим стажем проф. д-р Панайотис Бумис, в своей статье в январе сего года он пишет:

„Далее в четвертом параграфе (так называемого Томоса – *прим. авт.*) написано: „*Добавим к вышеизложенному, что Автокефальная церковь на Украине, как и остальные патриархи и предстоятели, признают главой Святейший Апостольский и Патриарший вселенский престол"*. И он задает вопрос: как такое говорится без [всякого] сомнения, что одна автокефальная Церковь

признает *„главой Вселенский престол“*, а остальные патриархи? И в *„остальные патриархи“* включаются ли все первородные (древние) Патриархаты?“

Внимательный сравнительный анализ томосов об автокефалиях, изданных Константинопольским Патриархатом за последние 170 лет (Греческой Церкви – 1850, Сербской Церкви – 1879, Румынской Церкви – 1885, Польской Церкви – 1924, Албанской Церкви – 1937, Болгарской Церкви – 1945, Церкви Чешских и Словацких земель – 1998), показывает, что в **ни в одном из них не записано**, что Константинопольский патриарх является главой этих Церквей.

ОБРАЩАЕМ ВНИМАНИЕ, ЧТО УТВЕРЖДЕНИЕ О ТОМ, ЧТО КАКАЯ-ЛИБО ИЗ ПОМЕСТНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ АВТОКЕФАЛЬНЫХ ЦЕРКВЕЙ ПРИЗНАЕТ „ПАТРИАРШЕСКИЙ ВСЕЛЕНСКИЙ ПРЕСТОЛ“ СВОИМ ГЛАВОЙ, ВЫСКАЗЫВАЕТСЯ ПЕРВЫЙ РАЗ С ПОДОБНОЙ НЕДВУСМЫСЛЕННОСТЬЮ.

КАК ТЕКСТ ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКУМЕНТА ПОДОБНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ НЕ МОЖЕТ ОСТАТЬСЯ БЕЗ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ПОСЛЕДСТВИЙ.

ИМЕЯ В ВИДУ И ДРУГИЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАСМАТРИВАЕМОГО ТОМОСА, А ИМЕННО: УТВЕРЖДЕНИЕ, ЧТО КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПАТРИАРХАТ ИМЕЕТ ПОЛНОМОЧИЯ АВТОРИТЕТНО РЕШАТЬ „СЕРЬЕЗНЫЕ ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОГО, ДОГМАТИЧЕСКОГО И КАНОНИЧЕСКОГО ЕСТЕСТВА“ САМОСТОЯТЕЛЬНО, БЕЗ УЧАСТИЯ ПОМЕСТНЫХ ЦЕРКВЕЙ, А ТАКЖЕ УТВЕРЖДЕНИЕ, ЧТО КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПАТРИАРХ ИМЕЕТ ПОЛНОМОЧИЯ ПРИНИМАТЬ АПЕЛЛЯЦИИ ЕПИСКОПОВ И КЛИРИКОВ ВСЕХ ПОМЕСТНЫХ ЦЕРКВЕЙ, КАТЕГОРИЧЕСКИ УТВЕРЖДАЕМ, ЧТО В ЧЕТВЕРТОМ ПАРАГРАФЕ ИМЕЕТСЯ В ВИДУ НЕ КАКОЕ-ТО СИМВОЛИЧЕСКОЕ ГЛАВЕНСТВО КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХА ИЛИ ГЛАВЕНСТВО В СМЫСЛЕ ПЕРВОГО СРЕДИ РАВНЫХ. В ТОМОСЕ ВОПРОС О ГЛАВЕНСТВЕ СВЯЗАН С ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПРЕДСТОЯТЕЛЯ НАД ВСЕЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ.

Спрашивается, когда-нибудь в своей истории автокефальной Церкви какая-либо из Поместных автокефальных Церквей признавала кого-то другого, кроме Господа Иисуса Христа, главой Единой, Святой и Апостольской Церкви? (Относительно Болгарской Православной Церкви Болгарского Патриархата, это положение регламентировано ее Уставом, ч. 1, ал. 1. Предполагаем, что то же относится и к остальным Поместным автокефальным Церквам. Склонны ли они изменить свои Уставы, чтобы синхронизировать их с положением четвертого параграфа так называемого Томоса?).

Любое другое действие или бездействие в данном случае, кроме ясно выраженного несогласия с

данным документом, означало бы его принятие. В таком случае независимо от того, отражено это в Уставах Поместных автокефальных Церквей, в межправославных отношениях каждой из них придется учитывать эти положения (упаси Бог!) .

В нравственном аспекте это было бы унизительно, в историческом – предательство по отношению к истории Православной Церкви, в каноническом – измена ее каноническому и правовому преданию, в догматическом – ересь.

Действительно, утверждение четвертого параграфа так называемого Томоса о том, что все Поместные Церкви признают Константинопольского патриарха своим главой, находится в жестком противоречии с 34-м апостольским правилом:

«Епископам всякого народа подобает знать первого в них и признавать его как главу, и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения: творить же каждому только то, что касается до его епархии и до мест, к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех. Ибо так будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец, Сын и Святой Дух».

Спрашивается, как возможно, чтобы епископ, который не принадлежит к архиерейскому собору данной Поместной Церкви, мог быть главой этой Церкви? Мы в полном недоумении, при том, что цитированные уже правила – 2-е II Вселенского собора и 8-е III Вселенского собора, категорически запрещают это: „Областные епископы да не простирают своея власти на церкви за пределами своея области и да не смешивают церквей: но, по правилам, александрийский епископ да управляет церквами токмо египетскими; епископы восточные да начальствуют токмо на востоке, с сохранением преимуществ антиохийской церкви, правилами никейскими признанных».

Ясно, что в данном случае налицо желание Константинопольского Патриархата аннулировать действие этих правил и присвоить полномочия, которые никогда не были даны ни одному из епископов Православной Церкви. К сожалению, это напоминает печальные попытки Римского епископа узурпировать власть в Церкви. Всем известно, к чему это привело.

Действительно, казус о главенстве Константинопольского Патриарха в том виде, как он сформулирован в так называемом Томосе, ставит исключительно серьезный вопрос о том, кто является Главой Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Возможно ли, чтобы среди епископов Православной Церкви был такой, к которому возможно отнести это определение?

В историческом плане ответ на вопрос о главенстве Церкви ясен: в течение своей

двухтысячелетней истории Церковь не удостаивала никого из епископов титулом и функциями главы Соборной Церкви. В каноническом отношении этот вопрос решен цитированными выше правилами (34-е апостольское правило, 2-е правило Второго Вселенского собора, 8-е правило Третьего Вселенского собора и др.). В догматическом отношении самый ясный ответ дают святые апостолы: „…покорил под ноги Его поставил Его выше всего, Главою церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем“ (Ефес. 1: 22-23).

Вместе с этим ясным определением и имея в виду сказанное Господом Иисусом Христом „где двое и трое собраны во имя Мое, там и Я посреди них“ и „Я с вами во все дни до скончания века“, вопрос относительно главенства в Церкви очевиден. Об этом свидетельствует и формула из послания апостольского собора: „Ибо угодно Духу Святому и нам“ (Деян. 15: 28).

Православная Церковь не выделяет среди святых апостолов того, к кому можно отнести функции главы церковного тела. Показательно, что в Православной Церкви празднуется память двух первоверховных апостолов – святых апостолов Петра и Павла, при этом один из двух не наделяется некими бóльшими полномочиями. Сам Господь Иисус Христос доверил одному благовествование среди иудеев, а другому – благовествование среди язычников, и таким образом установил раздельное административное управление в Церкви.

Важно иметь ввиду, что до сегодняшнего дня Церковь существует как единое Тело, состоящее из административно самоуправляемых Поместных Церквей, поставленных в определенном каноническом порядке (так называемые диптихи). Решениями Вселенских соборов соборный разум Церкви сохранил неприкосновенным право самоуправления этими Поместными Церквами. Таким образом, по порядку диптихов данный предстоятель стоит пред другим, и это первенство представляет собой первенство по чести, а не по власти.

Следует обратить внимание на то, как Отцы Третьего Вселенского собора толкуют попытки присвоить полномочия по вмешательству предстоятеля одной Поместной Церкви в дела другой: „никто из боголюбезнейших епископов не простирал власти на иную епархию, которая прежде и сначала не была под рукою его, или его предшественников: но аще кто простер, и насильственно какую епархию себе подчинил, да отдаст оную: да не преступаются правила отец: да не вкрадывается, под видом священнодействия, надменность власти мирския: и да не утратим по малу, неприметно, тоя свободы, которую даровал нам кровью Своею Господь наш Иисус Христос, освободитель всех человеков“ (пр. 8).

Именно эту „надменность власти мирския“ имел в виду Господь Иисус Христос, когда отвечал на недоуменные вопросы Своих учеников о том, кто из них больший: „ Он же сказал им: цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются“ (Лк. 22: 25) и твердо

им сказал: „но между вами да не будет так“ (Мк. 10: 43).

Следовательно, как в отношении православной экклезиологии, так и в аспекте канонического права вопрос о том, к кому можно отнести функции главы Церкви, ясен: никто из людей не может заменить единственного и непреходящего Главу Церкви – Господа Иисуса Христа. Таким образом, присвоение данным предстоятелем Поместной Церкви титула или названия главы Соборной Церкви недопустимо. Следует ясно разграничить главу данной Поместной Церкви в канонически правовом и административном отношении от Главы Церкви в онтологическом и догматическом смысле. В этом смысле Церковь в ее соборности и кафоличности не имеет другого Главы, кроме Господа Иисуса Христа. Верховная **каноническая** власть в Церкви принадлежите ее Вселенским соборам, а не какому-то отдельному епископу.

(Между прочим, цитированная выше формула Апостольского собора в Иерусалиме явно контрастирует с упорным желанием Константинопольского патриарха одному подписывать документы всеправославного характера от имени всей полноты Православной Церкви. В докладе одного из представителей Греческой Церкви на предсоборном совещании протопресвитера Стефана Аврамидиса, опубликованном недавно Навпактским митрополитом Иерофеем (Влахосом), в споре о том, как подписывать возможный томос об автокефалии, это ясно видно. Константинопольский патриарх явно считает большим оскорблением, чтобы вместе с его подписью стояли подписи его собратьев. Для него оказалось более важным, чтобы этот документ межправославного значения подписывался только и единственно Константинопольским патриархом, чем само решение вопроса о предоставлении автокефалии. Само по себе это говорит о многом).

****

Серьезную проблему пред каждой Поместной автокефальной Церковью ставит и текст параграфа третьего так называемого Томоса, где говорится о том, что Константинопольский патриарх имеет право принимать апелляции и окончательные решения по делам епископов и других клириков Поместных Церквей. Впервые в томосах, изданных за последние 170 лет (о которых мы вспоминали выше) здесь заявляются претензии за право апелляции.

Это претензии на гораздо бóльшие полномочия, которые позволили бы Константинопольскому Патриархату резко вмешиваться в дела Поместных Церквей. Конкретный случай с принятием апелляционных жалоб бывшего Киевского митрополита Филарета (Денисенко) и так называемого митрополита Макария и решение Константинопольского Патриархата от 11 октября прошлого года восстановить в сане упомянутых лиц и войти в общение с ними и их последователями, является ярким тому примером.

Лица, которые были низвергнуты с полным основанием и в соответствующем каноническом порядке, а позднее и отлучены от Церкви за серьезные канонические преступления (включительно нравственного порядка), и лица, которые „рукоположены“ самосвятами, были объявлены каноническими иерархами на Украине, а предстоятелю единственной канонической Православной Церкви на Украине, признанной всеми Поместными Церквами, было сказано, что он более не Киевский митрополит.

Мы не хотели бы и думать, **что** могло бы случиться, если б Константинопольский патриарх имел подобные полномочия при созыве Всеправославного собора 1998 года в Софии. Тогда патриарх Варфоломей поставил вопрос об отставке Болгарского патриарха Максима. Что могло бы случиться, если бы он тогда имел полномочия принимать апелляции от раскольников и раскольнические „митрополиты“ получили бы кафедры, как сегодня на Украине, а митрополиты канонической Церкви были бы объявлены неканоничными? Это нанесло бы невосполнимый ущерб Болгарской Православной Церкви.

Неужели действительно каноны 9 и 17 Четвертого Вселенского собора дают подобные полномочия Константинопольскому патриарху? Один из самых авторитетных византийских канонистов Иоанн Зонара, а позднее и св. Никодим Святогорец (составитель „Пидалиона“ – одного из двух официальных собраний канонов Константинопольского Патриархата, актуальных и ныне), как и еп. Никодим Милаш, выражают категорическое несогласие с подобной интерпретацией:

„Но не над всеми митрополитами без исключения стоит Константинопольский Патриарх как судья, но лишь над теми, которые ему подчинены. Потому что он не может привлекать к своему суду митрополитов Сирии или Палестины, или Финикии, или Египта против их воли; но митрополиты Сирии подлежат суду Антиохийского патриарха, палестинские – суду Иерусалимского патриарха, а египетские должны судиться Александрийским патриархом, каковыми патриархами они рукополагались и кому именно и подчинены“ (Афинская синтагма, II, 226).

Следовательно, совершенно не очевидно, что по 9 и 17 правилам Халкидонского собора Константинопольскому предстоятелю предоставляются полномочия принимать апелляции от Поместных автокефальных Церквей, как это втихаря пытаются узаконить через так называемый Томос.

Подобные претензии на полномочия принимать апелляционные жалобы от епископов и клириков всех автокефальных Церквей предъявлял папа Зосима в 418 году. Тогда он, опираясь на 5 правило Сардикийского собора, принял жалобу одного пресвитера Карфагенской Церкви и

отправил в Карфаген своих представителей, которые настаивали, чтобы дело пресвитера Апиария было рассмотрено снова, и он (папа Зосима) должен быть уведомлен о ходе дела, чтобы окончательно вынести свое решение.

По этому поводу в 419 году в Карфагене собрался собор, на котором наряду с другими вопросами подробно рассматривался вопрос о том, может ли Римский епископ принимать жалобы епископов и клириков Африканской Церкви.

Папа Зосима утверждал, что правило, на которое он ссылался – 5 канон Сардикийского собора – есть правило Первого Вселенского собора в Никее. Так как таковое правило отсутствовало в сборниках правил Никейского собора, которыми располагала Карфагенская Церковь, отцы собора отправили авторитетным кафедрам на Востоке просьбу выслать точные копии правил Никейского собора на греческом языке. Разумеется, было установлено, что упомянутое правило является правилом поместного собора (Сардикийского) Римской Церкви, а не Никейского собора.

Карфагенский собор 419 года собрал в единый сборник все правила, изданные соборами Африканской Церкви к тому моменту. Среди них правила 28 (37) и 125 (139), которые категорически запрещают клирикам Африканской Церкви передавать свои церковные дела на рассмотрение „за море“, т.е. в Рим.

В 423 году пресвитер Апиарий снова подал жалобу преемнику пап Зосимы († 418) и Бонифация († 422) Целестину, который также отправил в Карфаген своих легатов и настаивал, чтобы пресвитер Апиарий был оправдан. Снова в Карфагене собрался собор, который рассматривал вопрос о праве Римского епископа принимать жалобы епископов и клириков за пределами его юрисдикции.

Карфагенский собор 424 года отправил папе Целестину послание, в котором на основании правила Первого Вселенского собора африканские отцы возражали против попыток Римского епископа вмешиваться в дела Африканской Церкви:

«Разумно и справедливо признал Никейский собор, что какие бы ни возникли дела, они все должны решаться в своих же местах; ибо отцы признали, что ни в одной области не будет умалена благодать Святаго Духа, посредством которой Христовы священники разумно видят правду и твердо ее охраняют, а особенно когда каждому позволено, в случае недовольства решением местных судей, обратиться к соборам своей области, или же и к вселенскому собору. И может ли кто поверить, что Бог наш может внушить справедливость суду одного, кем бы таковой ни был, и отказать в этом многочисленным священникам, собравшимся на соборе? И в самом деле, может ли быть основательным этот заграничный суд, на который даже не могут явиться необходимые для

свидетельства лица или по своей физической слабости, или по старческой немощи, или по другим бесчисленным препятствиям? Относительно же того, что ты можешь послать кого-то, как бы со стороны твоей святыни, мы не находим, чтобы хоть один собор отцов установил что-либо об этом».

По 2-му правилу Шестого (Трулльского) Вселенского собора правила 28 (37) и 125 (139) Карфагенскоого собора и послание 424 года получили общеправославное значение.

Указанные правила имеют особенно важное значение при толковании и применении 3, 4 и 5 правил Сардикийского собора, на которые ссылались папы Зосима, Бонифаций и Целестин в своих претензиях на право принимать жалобы епископов и клириков Африканской Церкви.

Указанные правила Карфагенского собора дают ключ к пониманию и приложению 3, 4 и 5 правил Сардикийского собора, а именно, что они относятся к полномочиям Римского епископа принимать просьбы об апелляциях только от епископов и клириков его юрисдикции. В послании к папе Целестину ясно выражено определение 6-го правила Второго Вселенского собора, а именно, что решения собора иерархии автокефальной Церкви окончательны и единственной высшестоящей инстанцией является Вселенский собор.

Интересно замечание, сделанное в этой связи известным канонистом Феодором Вальсамоном: если Римский епископ не имеет полномочий принимать апелляции от Африканской Церкви, которая находится вблизи Рима, еще менее у него полномочий принимать апелляции от епископов и клириков других Церквей.

Это важно иметь в виду при толковании и приложении 9-го и 17-го правил Четвертого Вселенского собора, на которые ссылается Константинопольский Патриархат в своих претензиях на подобные полномочия. Как известно, Халкидонский Собор на своих последних заседаниях принял 28-е правило, по которому Константинопольскому патриарху предоставлялись равные полномочия с предстоятелем Римской Церкви.

Немыслимо, чтобы по 9-му и 17-му правилу Отцы Собора предоставили архиепископу Константинополя (который до того все еще не имел юрисдикции вне прямо подчиненной ему епархии – территории непосредственно около Константинополя) более широкие полномочия, чем полномочия епископа первой кафедры в тогдашней Православной Церкви – Римской. Как мы могли заметить, Римский епископ определенно не имел полномочий принимать апелляционные просьбы епископов и клириков вне его юрисдикции.

Каноны 9-й и 17-й IV Вселенского собора узаконили существовавшую со времени св. Нектария и

св. Иоаннна Златоуста практику просить помощи столичного епископа при возникновении споров и неурядиц в диоцезах автокефальных Церквей вблизи Константинополя – Фракийской, Асийской и Понтийской. По 28-му правилу эти Церкви подчинены Константинопольскому патриарху, таким же образом определяются территориальные границы Константинопольской Церкви, а ее предстоятелю даются равные с Римским епископом права, как и с остальными патриархами – Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским – дабы они имели юрисдикцию над митрополичьими областями, которые, со своей стороны, имеют подчиненные епископии.

Следовательно, 28-е правило является ключом для понимания полномочий, которые предоставляют предшествовавшие ему 9-е и 17-е правила. Текст 28-го правила вполне категоричен: Константинопольскому патриарху предоставляются РАВНЫЕ права – ни больше и не меньше прав епископа Рима. Таким образом, если Римский епископ не имел права принимать апелляции от епископов и клириков Африканской Церкви (как и от остальных автокефальных Церквей), очевидно, что 9-е и 17-е правила не дают таких полномочий и епископу Константинополя.

Очень важно также иметь в виду, что все полномочия, которые Церковь посредством собора дала Константинопольской кафедре, даны потому, что Константинополь был столицей империи. Поэтому столичному епископу – в соответствии с историческими обстоятельствами – делегированы права, которые превышали канонически определенные полномочия.

Практика Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской Церквей обращаться для рассмотрения церковных дел к столичной кафедре объясняется также и особенным положением Церкви в Византийской империи. То, что происходило в церковной жизни, например, Сирии, Палестины или Египта, имело прямое отражение в общественной и политической жизни империи. Поэтому важные дела вне диоцеза Константинопольского Патриархата разрешались на столичной кафедре. Кроме того, существенным обстоятельством в этом случае является и то, что эти дела рассматривались особым надъюрисдикционным собором, состоящим из всех находившихся в Константинополе в этот момент епископов со всех концов империи – так называемый синодос эндимуса.

Сегодня историческая данность абсолютна другая: Стамбул не является столицей христианского государства, Поместные Церкви не включены в территорию единого государства, как это было в течение продолжительного периода в Византийской и позже в Османской империи. Некоторые из Поместных Церквей значительно более благоустроены в отличие от современного Константинопольского Патриархата и не нуждаются в „стабилизирующем“ факторе для внутрицерковного устройства и управления.

В этом смысле на фоне происходящего на Украине, когда, с одной стороны, новоучрежденной там структуре предоставляют автокефальный статус, а с другой – настаивают на неизменном сохранении прав Константинопольского престола на ставропигии, которые он имел там до 1686 года, можно ли допустить, что возможная апелляция епископов и клириков этой церкви к Константинопольскому патриарху получит беспристрастный суд?

Во всяком случае, включение в Томос этого чувствительного для каждой самоуправляющейся Поместной Церкви вопроса представляет собой попытку Константинопольского Патриархата придать каноническое значение открыто заявленным им претензиям на право „надграничной юрисдикции“ на территориях Поместных автокефальных Церквей.

***

Выше мы затронули и другую существенную проблему в содержании так называемого Томоса –претензии на исключительные привилегии и компетенции Константинопольского Патриархата односторонне, без участия Поместных Церквей, выражать авторитетное мнение „относительно более серьезных вопросов церковного, догматического и канонического значения“, но считаем необходимым вновь привести суждения профессора Бумиса по этому вопросу:

"…. Несколько ниже в том же (шестом) параграфе записано: „*Относительно более серьезных вопросов церковного, догматического и канонического значения Блаженнейшему Киевскому митрополиту... подобает обращаться к нашему Святейшему Патриаршескому и Вселенскому престолу, испрашивая его авторитетного мнения и определенного содействия*“. И хотя ожидается, что будет добавлено „как координатор созывать одно из [проводимых] православных совещаний (читай – соборов)“, речь неожиданно меняется, и там говорится: *„... на неизменно сохраняемые права Вселенского престола на Экзархию и Священные ставропигии на Украине*“. Почему так происходит? И можно ли так отменять прежние договоренности и до сих пор определенное положение по украинской Церкви?”

Наряду с претензиями на компетентное мнение „*относительно более серьезных вопросов церковного, догматического и канонического значения*“, без участия Поместных Церквей, большое недоумение вызывает и сказанное о „*неизменно сохраняемых правах*“ на ставропигии, которые Константинопольский престол имел на территории современной Украины до 1686 г. Профессор Бумис задает риторический вопрос: отменяет ли сказанное автокефальный статус новоучрежденной церкви на Украине? Как канонически совмещаются утверждения о предоставлении этой церкви автокефального статуса и в тоже время сохраняются права на юрисдикцию на ее территории другой Поместной Церкви?

Очевидно, Константинопольский Патриархат использует в данном случае двойные стандарты:

наличие более одной юрисдикции на территории так называемой „диаспоры“, как мы уже упоминали, определяется как „каноническая аномалия“, и со стороны того же Патриархата полагаются неимоверные усилия по „восстановлению каноничности“ на этой территории, а в данном случае делается попытка это „канонически аномальное“ состояние узаконить как нормальное.

Это является очередным доказательством того, что основными мотивами действий Константинопольского Патриархата в украинском вопросе являются не соблюдение канонического порядка и блага Церкви, но им преследуются совсем другие цели и интересы.

Показательно, что с самого начала своего вмешательства в церковный вопрос на Украине Константинопольский Патриархат предпочел соборности [свои] односторонние действия. Принцип соборности, который является основополагающим принципом управления в Православной Церкви и который при условии его соблюдения всегда дает плодотворные результаты, уступил принципу самочинной, авторитарной и единоличной власти.

После того, как испытанному методу разрешения спорных вопросов, касающихся всей Церкви, предпочли односторонние действия, и при том такие, которые прямо противоречат каноническому и правовому порядку, возникает вопрос, действительно ли в этом случае целью является разрешение болезненного вопроса, или эта тема просто эксплуатируется для достижения других целей?

Углубление кризиса на Украине, углубление разделения среди единоверного народа и гонения на часть православных со стороны государственных властей на Украине отчасти отвечают на этот вопрос. Текст так называемого Томоса недвусмысленно дает ответ: через условия Томоса делается попытка придать общеправославную каноничную силу антиканоничным действиям Константинопольского Патриархата в украинском вопросе и заявленным полномочиям надграничной юрисдикции на канонической территории Поместных автокефальных Церквей.

Имея в виду все вышесказанное, по нашему скромному мнению, мы должны занять твердую позицию и защитить канонический правовой порядок в Святой Православной Церкви, который является гарантией сохранения церковного единства и основой преодоления нынешнего кризиса. Мы не имеем права на равнодушие и ни в коем случае не можем допустить оправдания претензий, имеющих катастрофические последствия для Православной Церкви, что видно уже в сегодняшней ситуации.

Соблюдение принципа соборности, всеправославное обсуждение украинского церковного вопроса – [единственный] путь его успешного решения. Свидетельствуем, что Болгарская

Православная Церковь Болгарского Патриархата на своем горьком опыте очень хорошо это знает.

Благодарю Вас за то, что уделили время для ознакомления с этим текстом. Будем рады, если эти размышления послужат искренней братской дискуссии в Святом Синоде по церковному вопросу на Украине. С нашей стороны мы готовы продолжить изучение и доложить по любому вопросу, который может возникнуть в ходе такой дискуссии. Надеемся на мудрое и канонически сообразное решение со стороны Святого Синода. Что же касается моего смирения, с Божией помощью мы решили „еще служить нашему Богу“ и не отступать от священных правил Православной Церкви согласно данной при нашей епископской хиротонии клятве. Будучи самым малым из наших братьев, с Божьей помощью, не потерпим хулы на нашего Божественного Отца, включительно и тогда, когда некоторые предлагают себя главой Церкви вместо Господа или смущают нашу Мать Церковь, когда пытаются присвоить себе права, которые принадлежат только Ей – Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

Прошу Ваших святых молитв.

Вашего Святейшества и Ваших Высокопреосвященств брат во Христе,

Даниил,
митрополит Видинский

Источник: https://mospat.ru/ru/news/46288/